

N.B.Koval, lecturer

Dnepropetrovsk state academy of architecture and building, Dnepropetrovsk

**PECULIARITIES OF ARTISTIC DIALOGUE
IN THE NOVELS “CRIME AND PUNISHMENT” BY DOSTOYEVSKY
AND “THE VATICAN CAVES” BY A. GIDE**

The article touches upon influence of F.M. Dostoyevsky on creation of A. Gide. It should be noted the dialogue between A. Gide and the Russian classic literature, which is shown through the analysis of genre language, system conflicts, symbolical and metaphorical imagery.

Key words: *artistic language, irony, crime, superman.*

УДК 811.161.1'23'37: 343.21

Е. Зубков, к.ф.н., доцент

Университет Яна Кохановского, Кельце, Польша

**СМЫСЛ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ «НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ»
В РУССКОМ УГОЛОВНОМ ДИСКУРСЕ**

Статья посвящена анализу различных смыслов, вкладываемых в фразеологизированное высказывание «Не верь, не бойся, не проси» в русском уголовном дискурсе. На основе представленного анализа автор пытается доказать методологические неточности лингвистической терминологии, применяемой для исследования речи российских профессиональных преступников.

Ключевые слова: *смысл, словоупотребление, уголовный дискурс, лингвосомиотический код.*

Объектом нашего внимания в представленной статье является фразеологизированное высказывание «Не верь, не бойся, не проси», а предметом исследования – смыслы, которые вкладываются в данное словоупотребление (определенный отрезок речи) в русском уголовном дискурсе. Термины «смысл» и «словоупотребление» выбраны автором статьи с целью избежания ряда методологических неточностей, которые могли бы возникнуть, учитывая сам объект исследования. «(...) Всякое слово живого языка доступно восприятию органами чувств как некоторый определенный комплекс звуков или, реже, отдельный звук; иначе говоря, как определенный отрезок речевого звучания. (...) Значение и звучание слова – сами по себе два совершенно различных явления, хотя и выступающие в общественно-исторически обусловленной связи друг с другом, при этом в связи, существеннейшей для языка, так как без этой связи язык вообще не мог бы существовать, не мог бы и возникнуть» [1:79-80]. Согласно концепции А.И. Смирницкого, само наличие слова может создавать впечатление существования самого предмета или явления, основой чего служит материализм. «(...) Значения даже таких слов, как *русалка, волшебный* и пр., не могли бы

© Е. Зубков, 2014

существовать, если бы не было тех или иных материальных предметов и явлений и их более или менее верных или более или менее искаженных отражений в сознании людей. (...) Если бы не было реальных женщин, если бы не было водяных животных (рыб и пр.), если бы, вероятно, к тому же не было снов, иллюзий и галлюцинаций как известных явлений психики, то не был бы создан, на определенном уровне развития общественного познания, и образ русалки. (...)» [1: 80-81]. В данной цитате интересен взгляд на существование русалок одного из известных языковедов 20-го столетия – он, как и большинство современников, не верит в их реальное существование ни в настоящее время, ни в далеком прошлом, для профессора А. И. Смирницкого русалки – известный образ, созданный на определенном уровне развития общественного познания.

С такой научной точкой зрения может не согласиться довольно большое число обывателей, все еще верящих в реальное существование русалок. Если же экстраполировать не только образ русалки, а и саму мысль о реальности существования русалок в 19-й век, то несомненно группа обывателей, верящих в реальность их существования, в процентном отношении к общему количеству населения тогда будет значительно больше, чем сейчас. При экстраполяции образа русалки и мысли о реальности существования русалок на тысячу лет назад следует заметить, что в тот временной период нашлось бы очень мало людей, не верящих в реальность существования русалок. «(...) Одни божества одицетворяли природу, вторые – души предков. Первые были благостны, вторые – ужасны и зловредны; их называли русалками, но впоследствии это слово было вытеснено тюркским названием «убур», или упырь. (...) языческие боги не считались надмировыми существами (...) считалось, что это живые организмы, но более могущественные, нежели люди, иначе устроенные, но соизмеримые с другими организмами, населяющими землю.(...)» [2: 225-226].

Для современного рядового обывателя, верящего в реальное существование русалок, обобщенные образы русалки и упыря будут коренным образом отличаться, а то, что «слово русалка было вытеснено тюркским названием упырь» может звучать как святотатство. Кроме того, в данной связи также необходимо заметить, что, в зависимости от «воли верить» (согласно прагматической концепции У. Джеймса) в существование или нереальность существования русалок, слово «русалка» будет значить или материальный объект действительности, или же образ-абстракцию. (Автор представленного исследования не является палеонтологом, поэтому не занимает никакой позиции ни по отношению к существованию русалок, ни по отношению к аутентичности ряда видеоматериалов [3]).

При экстраполяции образа русалки в прошлое, значение (которое может пониматься как «обобщенный смысл» с точки зрения количественного фактора) будет меняться с точки зрения простой логики, а смыслы словоупотребления «русалка» будут варьироваться уже даже по той причине, что в определенный день в году у русалки могут вырасти ноги, или же не вырасти в зависимости от «воли верить» обывателя или же каких-то фактов, большинству исследователей пока неизвестных. В любом случае, с точки зрения «воли верить», научных фактов, логически обоснованных предположений или же целого ряда иных причин ученых, в существование русалок не верящий, и обыватель, в их существование верящий, будут вкладывать в словоупотребление «русалка» совершенно разные смыслы. С другой стороны, значение «женщина у которой вместо ног хвост» могло бы быть для обоих этих участников возможной коммуникации

о «русалке» релевантным, но коммуникация была бы затруднена при включении обывателя, верящего еще и в то, что у русалки могут вырасти ноги.

В данной связи можно говорить о «профилировании», т.е. о «(...) способе представления объекта с различных точек зрения, понятие формируется в зависимости от отношения к нему определенного субъекта (...)» [4:39]. Для целей представленного исследования данная концепция была бы интересна, но тогда исследование осложнилось бы огромным количеством «профилей дискурсантов» в связи с функцией сокрытия в уголовном дискурсе для непосвященных и одновременной манифестацией для посвященных, рядом сложных моделей иносказания, но самое главное – необходимостью доказывать ряд деталей, уже нерелевантных на уровне модельного обобщения. Кроме того, исследование может также быть ограничено самой лингвистической традицией и широко принятым делением на арго, воровской (или блатной) жаргон, профессиональный жаргон преступников, криминальный сленг и т. д., что не всегда соответствует исследуемому явлению. Поэтому автором представленного исследования применяется термин «уголовный дискурс» согласно функционально-прагматической модели лингвосомиотического опыта О. В. Лещака. Согласно такой модели, «дискурс» понимается как «(...) пространственно-временной и информационный континуум, который сосредотачивается вокруг текста (или набора текстов) в процессе его (их) создания или воспроизведения по определенным принципам лингвосомиотической системы (кода) в границах определенного функционального типа деятельности, основанной на опыте (...)» [5: 34].

Дискурсные группы согласно такой методологии будут формироваться на основе определенного кода, но было бы очень большим упрощением подходить к такому коду как только опыту преступной деятельности, или же соотносить дискурсные группы с т.н. «мастями», т.е. «социальным» статусом преступников в уголовной среде. Согласно концепции О. В. Лещака, лингвосомиотическая система (код) является бесконечным набором вариантов, из которых определенной «дискурсной группой» могут быть выбраны лишь некоторые варианты на основе уровня вовлеченности в какую-либо конкретную деятельность. В определенном моменте времени может наблюдаться отсутствие соответствующей «дискурсной группы», что ведет к пассивному существованию некоторых элементов кода, например в прецедентных текстах или бессознательной устной традиции, но не их полному исчезновению. При возникновении в пространстве и времени соответствующей дискурсной группы такие элементы могут быть реанимированы. Попробуем доказать подобное утверждение на основе рассматриваемого языкового материала, т.е. смыслов словоупотребления **«Не верь, не бойся, не проси»** в русском уголовном дискурсе.

Предварительно немного остановимся на том, какая дискурсная группа будет объектом представленного исследования, что докажет функциональную осложненность возможного применения метода «профилирования» в представленном исследовании. Для рядового носителя русского языка это будут «воры в законе», самоназываемые «законные воры», «в законе», «законники». Для рядовых работников правоохранительных органов, не сотрудников РУБОПов (РУОПов), О(У)БОПов, УУР и иных подразделений различных ведомств, называемых обывателями обобщенно «уголовным розыском», это будут «носители воровской идеи», «курки», «блатные». Для сотрудников спецподразделений по борьбе с организованной преступностью разных ведомств, самих «блатных», а

также исследователей арго/фени/тюремно-лагерного жаргона данная дискурсная группа уже не будет столь монолитной. К ней отнесем:

1. Самих «законников», среди которых необходимо бы было выделять «идеологов черного (воровского) движения», таких, например, как В. С. Бабушкин, Г.А. Корьков, В. К. Иванов, П. В. Захаров, А.Р. Усоян и др. Подобное выделение необходимо уже потому, что существует номинация «бегушный» (бегушной), т.е. «1. Вор, скрупулезно соблюдающий воровской закон и имеющий право (как моральное, так и данное другими ворами) разрешать споры, конфликты. 2. Честный, справедливый» [6: 35]. Эта цитата свидетельствует о том, что не каждый «вор» соблюдает «Воровской Закон», а у приведенного автора «бегушный» может «вором» и не являться. Рассмотрим следующую цитату у того же автора: «*Кодла, кодло, кодляк, котло* – 1. Группа заключенных, состоящая к.п., из воров-отрицал. В нее могут входить *блатные, бегушные, бойцы, в пределах, козырные, крутые, хавальщики, центровики* и т.д. 2. Сплоченная воровская группа, семья.» [6: 191-192]. Как видим, «блатной» (блатарь), т.е. «вор в законе» [6:38] и «бегушный» (бегушной) – не та же «масть», т.е. в упрощении не один и тот же статус в преступной среде.

II. В рассматриваемую дискурсную группу в связи с различием в делении «по масти» на свободе и в местах лишения свободы отнесем [7] также «жуликов» с любым сопутствующим прилагательным в неразложимости синтагмы, «kozyрных фразеров», а также некоторых «авторитетов спортсменов» (лидеров ОПГ) как «носителей Воровской Идеи»

Под «Воровской Идеей» понимается философия «Воровского Закона», являющаяся темой отдельного исследования. В упрощении, это процедура интерпретации определенных текстов правового и религиозного характера, в квантовой криптографии называемая «кодом открытого ключа» или «кодом ассиметрической функции» (алгоритм обмена ключами Диффи-Хеллмана-Меркля). Хотя правильной было бы говорить о квантовокриптографическом обмене Беннета-Брассарда на основе фотонов по отношению к языку как структуре.

Подобное разграничение полюсов, рядовой обыватель – «носитель воровской идеи», необходимо для показания диапазона смыслов, т.е. различных возможностей выбора в зависимости не только от вовлеченности в преступную деятельность как таковую, но и получение информации из определенных текстов согласно определенному герменевтическому принципу, называемому в среде «носителей Воровской Идеи» «Кодом Божьим». Символом этого герменевтического принципа и является в их среде «**Не верь, не бойся, не проси**», как автор представленной статьи попытался показать ниже.

В русскоязычной Википедии в словарной статье «Не верь, не бойся, не проси» рассматриваемое в представленном исследовании словоупотребление является «тюремной поговоркой, получившей известность благодаря Варламу Шаламову и Александру Солженицыну» [8]. Далее поданы смыслы, которые вкладываются в эту «тюремную поговорку» заключенными: 1. не следует доверять другим заключенным и администрации; 2. не следует проявлять страх перед угрозами, **виктимное поведение провоцирует насилие**; 3. не следует просить чего-либо у заключенных и администрации, чтобы избежать появления у них новых рычагов воздействия на заключенного. Эти обобщенные на основе количественного фактора смыслы подтверждаются специальными словами, например:

«Верить – (...) 3. **Не верь, не бойся, не проси** (поговорка) ср. благодетель; входящий; жалобы 5, 6.» [9 (1:50)]

«Благодетель – Не будь моим благодетелем (...) известно, что человек человеку – враг, и тот, кто утверждает, что хочет нам помочь, непременно таит какой-нибудь коварный замысел (...)» [9 (1:31)]

«Входящий не грусти, выходящий не радуйся – () Горе начинается после выхода на волю, когда многих отправляют в ссылку, где нет тюремной пайки, а заработать негде (...)» [9 (1:68)], т.е. имеется в виду, что бояться не надо, поскольку всегда может быть хуже.

Нет оснований утверждать, что эти обобщенные смыслы не могут быть вкладываемы в исследуемое словоупотребление в русском уголовном дискурсе наряду с эмоциональными оттенками в ряде цитируемых в Википедии литературных произведений и песен, которые влияют на обобщение смысла с точки зрения количественного фактора. С логической же точки зрения необходимо заметить, что «носителям Воровской идеи», например «законным вора», в местах лишения свободы виктимное поведение несомненно, что доказывать нет нужды. Уже это логическое предположение не дает возможности признать, что в словоупотребление «Не верь, не бойся, не проси» могут вкладываться только упомянутые выше смыслы или эмоциональные оттенки, зачастую не имеющие ничего общего с уголовным дискурсом.

В песне «Лагерь, лагерь» в исполнении Сергея Севера есть следующие слова: «(...) Вовка тихо упал с красной точкою у виска. **Полетела душа. Прощетал он «Не верь»** (...) Уходили мы топами (...) Но менты за спиной (...) Молодой снайперок в снег его положил (...)» [10]. Эта песня не цитируется в русскоязычной Википедии, поскольку автор или авторы словарной статьи и не сочли бы понятным с первого взгляда, каким образом она может соотноситься с прецедентной единицей «Не верь, не бойся, не проси».

Автором представленной статьи высказывались предположения на основе анализа способов принесения обещания в русском уголовном дискурсе [11] и этимологического анализа словоупотребления «Золотая Рота» (имеется в виду название верхушки преступного мира в царской России в 19-м веке, соответствие современных «законных воров») [12], что тремя из пяти книг «Воровского Закона» («Воровского Талмуда», «Воровского Пятикнижия») являются Старое римское право до кодификации Юстиниана, Кодекс Хаммурапи, и Вавилонский Талмуд (Гемара) с элементами Каббалы. Подобный взгляд в корне противоречит общепринятому пониманию «Воровского Закона», хотя ряд языковых явлений подтверждает тезис, поставленный автором представленной статьи. Если предположить, что Устная Тора до сих пор (Примеч. Е.З. – Еще в начале 20-го века Устная Тора применялась во время Динтойры, т.е. воровского суда на западе Российской империи [13: 211-212]) является одной из пяти книг «Воровского Закона», тогда можно высказать предположение, что «Не верь, не бойся, не проси» является «символом веры» носителей «Воровской Идеи» и указывает на три основные постулата Каббалы, понимаемой также как Устная Тора, во всяком случае в широком понимании:

«(...) В I в. были составлены два варианта Талмуда: иерусалимский и вавилонский, а во II-III вв. возникла Каббала, т.е. «полученное по преданию учение». Согласно Каббале, Бог, «наскучив одиночеством», решил создать себе равных. Мир и люди – его

эманация; назначение их – совершенствование до уровня Божества, причем идет перевоплощение душ. Бог им не помогает, ибо «помощь – это позорный хлеб» – подачка. (...)» [2:104]. Автор представленной статьи имеет в виду, что три основные постулата Каббалы в упрощении можно сформулировать как: 1. Возможно переселение душ; – т.е. «Не верь»; 2. Назначение человека – совершенствование до уровня Божества – т.е. «Не бойся»; 3. Помощь от бога – позорная подачка – т.е. «Не проси». Важным является то, что в приведенной цитате Л.Н. Гумилев ссылается на книгу Х.А. Льоренте «Критическая история испанской инквизиции», изданную в Москве в 1936, что свидетельствует о существовании и доступности письменных источников о Каббале во времена создания «Нового Воровского Закона» (различение «Старого Воровского Закона» и «Нового Воровского Закона» является темой отдельного исследования). Тогда приведенные выше слова песни «Лагеря, лагеря» – «(...) Полетела душа. Прошептал он «Не верь» (...)», – имели бы символический смысл и подтверждали правильность предположений автора представленной статьи.

В любом случае, уже даже на основе смыслов фразеологизированного высказывания и максимы «Не верь, не бойся, не проси», поданных в Википедии и доступных массовому читателю, в том числе молодежи, можно с уверенностью сделать предположение о неполном соответствии применяемой традиционной лингвистической терминологии с ее делением на арго, криминальный сленг, тюремный жаргон и т.д. при исследовании модельности в передаче информации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Смирницкий А. И., Значение слова. // Вопросы языкознания. – 1955. – № 2. – С. 79-90.
2. Гумилев Л. Н., Древняя Русь и Великая Степь. Москва: Мысль, 1989. – 765 с.
3. Mermaids // Animal Planet, <http://animal.discovery.com/tv-shows/mermaids/videos/mermaids.htm> [Доступ 30.04.2014]
4. Bartmiński J., Niebrzegowska S., Profile a podmiotowa interpretacja świata // Profilowanie w języku i w tekście / J. Bartmiński, R. Tokarski (red.). Lublin, 1998. В: Дискурс-исследования в Центральной и Восточной Европе // Дискурс в академическом пространстве. Материалы Международного круглого стола. 3-5.04. 2009. Изд. центр БГУ Минск, Беларусь, 2010.
5. Leszczak, O., Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu. Toruń: Wyd. Adam Marszałek 2010. – 415 с.
6. Балдаев Д. С., Словарь блатного воровского жаргона. От А до П. Москва: Кампана, 1997. – 367 с.
7. Зубков Е.А., «Масть» в уголовном дискурсе – атрибутивность и неразложимость синтагмы, «Studia metodologica», Тернопіль, 2012 – Вип. 34. – С. 267-283.
8. Не верь, не бойся, не проси // Википедия – Свободная энциклопедия, <http://ru.wikipedia.org/wiki> [Доступ 30.04.2014].
9. Росси, Ж., Справочник по ГУЛАГу. В 2-х частях. Изд. второе, дополненное. Москва: Просвет, 1991. ч.1 – 269с., ч.2 – 548
10. Север Сергей (Русских, С.В.) Лагеря, лагеря, Альбом «Лагеря, лагеря» 2001.

11. Зубков Е.А., Некоторые особенности принесения обещания в уголовном дискурсе. Субстратные формы. В: Вестник Новгородского государственного университета.⁷² 2013. Изд. «Вестник НовГУ» с.97-100. – 123 с.

12. Зубков Е.А., Русский уголовный дискурс: реконструкция смыслов с опорой на реконструкцию дискурсных групп //La Table Ronde. Сборник материалов. Выпуск 2. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Изд. Белорусский государственный университет, РИВШ. Минск 2013. с. 248 – 255.

13. Urke-Nachalnik, *Życiorys własny przestępcy*. Wydawnictwo Łódzkie, Łódź 1989. – 302 с.

Стаття надійшла до редакції 21.08.14

Є. Зубков, к.ф.н., доцент

Університет Яна Кохановського, Кельце, Польща

СМИСЛИ СЛОВОВЖИВАННЯ «НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ» В РОСІЙСЬКОМУ КРИМІНАЛЬНОМУ ДИСКУРСІ

Метою представленої статті є розгляд різних сенсів фразеологізованого виразу «Не верь, не бойся, не проси» в російському кримінальному дискурсі. На основі представленої аналізу автор намагається відстежити методологічні неточності лінгвістичної термінології, застосовуваної для дослідження мови російських професійних злочинців.

Ключові слова: *смысл, слововживання, кримінальний дискурс, лінгвосеміотичний код.*

Zubkov E., Ph.D, Assistant Professor

Jan Kochanowski University, Kielce, Poland

SENSES OF USAGE OF «НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ» IN RUSSIAN CRIMINAL DISCOURSE

The paper presents an analysis of the range of senses to be implied by the phraseologized clause structure «Не верь, не бойся, не проси» in the Russian criminal discourse. On the basis of this analysis, the author tries to prove some methodological inconsistencies in linguistic terminology applied to the research on the spoken language of Russian felons.

Key words: *sense, usage, criminal discourse, lingua-semiotic code.*